

Шепитько С.В., Смирнова М.С.
Языковая личность в религиозном дискурсе

*Шепитько Светлана Витальевна, кандидат филологических наук, доцент,
 зав. кафедрой английского языка и перевода
 Смирнова Мария Сергеевна, ассистент кафедры английского языка и перевода
 Мариупольский государственный университет, г. Мариуполь, Украина*

Received October 3, 2013; Revised October 21, 2013; Accepted October 28, 2013

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы к изучению языковой личности в религиозном дискурсе. Авторы анализируют особенности религиозного дискурса, рассматривают существующие подходы к изучению языковой личности, а также ее проявления в религиозном дискурсе. По мнению авторов статьи, языковая личность является видом полноценного представления личности, вмещающим в себя и психический, и социальный, и этический, религиозный и другие компоненты, преломленные через ее язык, ее дискурс. Авторы отмечают, что в понятии языковой личности фиксируется связь языка с индивидуальным сознанием личности, с мировоззрением. Анализ языковой личности в религиозном дискурсе представляется актуальным объектом исследования в рамках не только языкознания, философии религии, лингвистического религиоведения, но также широкого спектра смежных дисциплин современной гуманитаристики. Авторы статьи приходят к выводу, что при изучении и описании языковой личности в религиозном дискурсе необходим многоаспектный подход, так как предмет исследования отличается особой сложностью, многоплановостью и неоднозначностью интерпретации в современной лингвистике. Многоаспектный подход важен и потому, что предполагает интегрированное представление исследуемого материала и привлечение сведений из различных областей научного знания, таких как богословие, религиоведение, философия, история Церкви, культурология, психология, когнитология, социолингвистика.

Ключевые слова: дискурс, религиозный дискурс, языковая личность, уровни организации языковой личности.

Интерес к религии вообще, к институту религии и коммуникации в рамках данного института в частности, остается высоким. Существование религиозного дискурса является очевидным, а исследования этого объекта в разных областях гуманитарной науки продолжают расти. В связи с этим изучение религиозного дискурса, его концептосферы, языковой личности в религиозном дискурсе представляется **актуальным**, поскольку, с одной стороны, позволяет рассмотреть специфику данного типа дискурса, особенности его словоупотребления и состав концептосферы, а с другой – дает возможность проследить способы вхождения его элементов в лексическую, когнитивную и прагматическую структуры языковой личности.

Существенные наработки в области исследований дискурса представлены в работах лингвистов П. Серрио, М. Стаббс, Н. Арутюнова, Ф. Бацевич, В. Карасик, В. Чернявская, Л. Компанцева, К. Седов и другие.

Если попытки идентифицировать дискурс в лингвистике предпринимаются регулярно, то гораздо сложнее обстоит ситуация с религиозным дискурсом (В.И. Карасик, Е.В. Бобырева, С.С. Сергеева). "Уникальная специфика религиозного дискурса состоит в том, что к числу его участников относится Бог, к которому обращены молитвы, псалмы, исповеди в ряде конфессий и т. д. и который выступает в качестве суперагента. Всевышний в религиозном дискурсе распадается на две сущности: собственно Бог и тот, кому он открылся, т. е. пророк" [7, с. 221].

Отсюда – **цель** нашего исследования – определение подходов к изучению религиозного дискурса и проявлений в нем языковой личности. **Метод** исследования на этом этапе – описательный, включает анализ научной литературы по проблеме и синтез методик описания объекта. Иллюстративным **материалом** для статьи послужила выборка языковых клише и цитат из работ русского писателя Д.И. Стахеева, священномученика Серафима Чичагова, английского богослова митрополита Антония Сурожского (Блума), греческо-

го святого Максима Исповедника, богослова и архиепископа Константинопольского Иоанна Златоуста, старца схимонаха Паисия Афонского.

Бугаева И.В. описывает несколько существующих направлений в описании религиозной коммуникации. Первый подход отражает терминологические различия в описании языка религиозного дискурса. Так, в научной литературе встречаются термины религиозный язык (Войтак), сакральный язык, культовый язык, язык сакрума (Zdybicka молитвенный язык (Weclawski), язык Церкви, религиозный дискурс (Карасик, Слышкин), религиозный стиль (Мистрик), религиозно-проповеднический стиль (Крысин, Гольберг), религиозное употребление языка, духовная словесность, религиозная коммуникация (Розанова) и т.д. [2, с. 41].

Второе направление связано с разработкой религиозного дискурса с позиций социолингвистики. У термина "дискурс" нет четкого и однозначного определения. Религиозный дискурс представляет собой тип институционального дискурса, то есть специализированную клишированную разновидность общения, обусловленную социальными функциями партнеров и регламентированного как по содержанию, так и по форме. Цель религиозного дискурса – духовное общение, базирующееся на конкретных ценностях и нормах поведения; в рамках данного направления исследуют литургический, исповедальный дискурс и др.

В последнее время появилось еще одно направление, получившее название теолингвистика, которое стало популяризироваться благодаря работам А.К. Гадомского. Ученый дает дефиницию "теолингвистике" как дисциплине, возникшей на стыке языка и религии, нацеленной на исследование проявлений религии, которые закрепились и отразились в языке" [5, с. 16]. А. Вагнер указывает в своей статье о пользе взаимодействия обеих наук теологии и лингвистики. Он также акцентирует внимание на неисследованных прежде областях и выдвигает конкретные научные предложения для изучения религиозного языка.

Например, такие, как языковедческий анализ отдельных элементов службы в Церкви и их взаимодействия, анализ высказываний на религиозные темы (например, на тему смерти близкого человека), анализ языка катехизиса, анализ архаичных фраз и синтаксических структур и другие [11, с. 56].

Четвертое направление связано с теорией речевых жанров. В рамках этого направления изучаются проповедь, молитва, различные этикетные жанры (приветствие, прощание, утешение, поздравление, благодарность, извинение и т.д.).

Пятое направление не ограничивается внутрицерковной коммуникацией, исследует речь верующих в разных ситуациях, поэтому опирается на методы и терминологию социолингвистики, выстраивая триаду диалект – социолект – социальный вариант. Сюда относятся профессиональные диалекты, региолекты [10, с. 156], социальные диалекты, жаргоны, подязыки разных наук, идиолекты писателей, разные виды литературной разговорной речи.

Помимо коммуникативного и дискурсивного подходов к изучению религиозного языка существует еще аксиологический подход. Несомненно, что любая религия представляет определенный запас ценностей, накопленных человечеством. По мнению В.И. Карасика, ценности религиозного общения сводятся к ценностям веры, таким, как, например, признание Бога, понимание греха и добродетели, спасение души, ощущение чуда, соблюдение обрядов. Специфика рассматриваемого дискурса состоит в том, что если в других типах институционального общения ценности могут быть скрытыми, подразумеваемыми и выводимыми (с таким положением дел мы сталкиваемся, в частности, в деловом или научном дискурсе), то в религиозном общении суть дискурса состоит в открытом утверждении ценностей [7, с. 9].

Формирование религиозного дискурса связано с процессом институции религиозной веры: церковь как форма институции веры создавалась для сохранения знания-истины, которое «рождается» вне форм институции.

Религиозный дискурс является одним из важнейших проявлений деятельности человека, поскольку вербально реализует весьма существенную его потребность – потребность в вере как концепте ценностной ориентации внутри пространства бытия. Не случайно Гегель пишет, что любая деятельность человека разумного включает в себя целеполагание, а целеполагание предусматривает наличие ориентационной точки отсчета для дальнейшей деятельности [6, с. 200]. Такой точкой отсчета является система ценностей и онтологических постулатов каждой отдельной личности, которые она аксиоматично принимает и защищает от попыток трансформации, пытаясь сохранить их в целостном и первоначальном виде.

Подобным образом рождается сначала концепт веры, а затем с течением времени и в результате рекурсивного оперирования этим концептом возникает догмат веры. Догмат веры, как правило, непосредственно связан с ценностно-когнитивными ориентирами человека как полноправного члена сообщества: веруя, он сопоставляет свои представления о вере с представлениями о ней себе подобных, интегрируя их

в национальный концепт [9, с. 438]. Вера и доверие представляют собой основания для бытийной организации социума и существования каждого отдельного его члена (там же). Концепт "Вера" является автохтонным концептом, т.е. концептом исторически сформировавшимся в пределах определенного дискурса, в данном случае религиозного, и именно он определяет внутреннюю логику этого дискурса. Вера является базовой ценностью, которая приводит человека к выстраиванию всей последующей иерархии ценностей; оказывает сильное влияние на функционирование как государственных и общественных институтов, так и на бытие личности [1, с. 83].

Проблемы становления и развития языковой личности в религиозном дискурсе, находятся в поле пристального внимания исследователей.

Первое обращение к языковой личности связано с именем Л.Й. Вайсгербера, говорившего о зависимости всей жизни человека от родного языка, о взаимосвязи родного языка и духовного формирования человека. Ученый отмечает, что язык является неотъемлемым компонентом сознания, его инструментом и выступает как посредник между человеком и картиной мира, отображаемой им в языковых формах. Это связь человека с картиной мира, содержащейся в языке, на котором он говорит, с кругом представлений, образов и понятий, которые запечатлены в языке. Каждый человек, вступающий в язык, вынужден усваивать его способ понимания мира явлений и духа [3, с. 102].

В.В. Виноградов первый в отечественном языкознании оказал пристальное внимание разработке концепции языковой личности. Затем наиболее детально эту проблему рассматривал Ю.Н. Караулов, который под языковой личностью понимает "совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)", различающихся степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной языковой направленностью [8, с. 3].

В.И. Карасик определяет языковую личность как обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций [7, с. 46].

Языковую личность можно охарактеризовать с позиций лингвистического сознания и речевого поведения, т.е. с позиций лингвистической концептологии и теории дискурса. Ю.Н. Караулов предлагает исследовать языковую личность на трёх уровнях [8, с. 84]:

1) *вербально-семантическом* уровне (лексикон личности; отношения слов выражены в различных грамматических, парадигматических и синтаксических связях; стереотипы – стандартные фразы и предложения, понимаемый в широком смысле, включающий также фонд грамматических знаний личности).

Ю.Н. Караулов в своей работе "Русский язык и языковая личность" отмечает, что чаще всего исследователи останавливаются на изучении словаря языка писателя, анализе лексико-стилистических и грамматических средств в текстах автора. Однако писатель в своих произведениях выступает не как единая целостная языковая личность, а как множество говорящих и понимающих личностей, и, таким образом, при

одностороннем подходе не охватывается все богатство особенностей и различных сторон языковой личности [8, с. 101].

2) *лингвокогнитивном*, представляющий тезаурус личности, в котором запечатлен "образ мира", или система знаний о мире;

Этот уровень характеризуется тем, что в качестве единиц выступают различные понятия, идеи и концепты, которые выражаются с помощью слов нулевого уровня (вербально-семантический уровень); отношения выстраиваются в упорядоченную иерархическую систему, которая отражает структуру мира; стереотипами являются устойчивые стандартные связи между концептами, которые выражаются в обобщенных высказываниях, крылатых выражениях, афоризмах, из многообразия которых языковая личность выбирает те, которые соответствуют связям между понятиями в ее тезаурусе. На нулевом уровне слова вербальная сеть и стереотипные сочетания принимаются каждой языковой личностью как безусловная данность.

Можно констатировать тот факт, что языковая личность способна проявить свою индивидуальность, только начиная с первого, лингво-когнитивного уровня. Эта индивидуальность может проявиться в способах иерархизации понятий, их соединении при построении собственных выводов. Начиная с первого уровня, языковая личность может предпочесть одно понятие другому или придать определенной идее статус важной, даже если она не является таковой. Данный процесс индивидуализации завершается на высшем прагматическом уровне. На этом уровне в качестве единиц фигурируют коммуникативно-деятельностные потребности (необходимость высказаться, получить информацию), отношения между этими единицами образуют так называемую коммуникативную сеть (сфера общения, ситуация, роли собеседников) [8, с. 165]. Таким образом, на этом уровне возможно воссоздание картины мира, выявление иерархии смыслов и ценностей, что особенно существенно для религиозного дискурса.

Многие лингвисты и философы часто ошибочно связывают семантический уровень непосредственно с гносеологическим, забывая о промежуточном тезау-

русном уровне организации знаний о мире. Семантический уровень чреват образностью, которая заложена в когнитивном (тезаурусном) уровне. На вербально-ассоциативном уровне доступную наблюдению образность (рус. *оглашенные – люди, не принявшие крещение, проходящие предварительный этап подготовки и катехизации; неофит – новокрещенные, обыкновенно с Пасхи, когда их крестили, до Фоминой недели, носившие белую одежду; новообращенный адепт, неопытный человек в вопросах религии;* англ. *the world – mundane life outside the monastery;* греч. *Αγιασμός – η ιεροτελεστία της Ορθόδοξης Εκκλησίας σε ανάμνηση της βάπτισης του Χριστού, αλλά και το αγιασμένο νερό и др.*) мы воспринимаем как своеобразную семантическую конкрецию, которая включает в себя в течение множества эпох существования языка само движение мысли, сам акт познания. Снимая с образности слой за слоем, мы предстаем перед фиксированным в ней знанием моментальным переходом от одного поля в тезаурусе (например, *фарисей – лицемер, законник*) к другому (*свойства человека*). Но для того, чтобы этот переход свершился, надо обладать определенными знаниями о мире, на примере рассматриваемого нами религиозного дискурса – знать догматы веры, каноны, традиции, формы общения верующих и др.

3) *мотивационном* уровне деятельностно-коммуникативных потребностей, отражающих прагматикон личности: систему ее целей, мотивов, установок и интенциональностей.

Мотивационный уровень выходит за рамки лингвистики, однако, именно на этом уровне более всего просматриваются черты языковой личности. Некоторые исследователи считают, что именно благодаря системообразующему воздействию этого аспекта языковой личности вербально-семантический и тезаурусный аспекты начинают действовать на личностном уровне. Таким образом, на тезаурусном уровне личность проявляется, как "субъект", а на вербально-семантическом – как "индивид" [8, с. 211].

Таким образом, в любом элементарном акте речи всегда проявляется взаимодействие трех уровней организации языковой личности – семантического, лингво-когнитивного и прагматического (см. табл.1).

Таблица 1.

Уровни организации языковой личности

Уровни организации языковой личности	Примеры
Вербально-семантический	рус. <i>Заповеди Христовы, мир горний, исповедание веры, стяжать дух мирен, чада возлюбленные;</i> англ. <i>the glory of God, the only begotten God, the doom of godlessness, the blessings of God, the God-Man;</i> греч. <i>ο Αγίος Πνεύματος, η Αγία Τριάδα, το Τριαδικό Λόγος, η Τρισυπόστατη Μονάδα, το Άγιο Πνεύμα и др.</i>
Лингво-когнитивный	Концепт душа: рус. <i>"Что говорить! С душиой произносим"</i> <i>"А-а-а! Спасенная душа! И паки пожаловал!"</i> (Стахеев Д.И. <i>Духа не угашайте. Избранные произведения Д.И. Стахеева.</i> – Казань: Там. кн. изд-во, 1992. – 417 с.) англ. <i>"And, indeed, a Russian knows God viscerally, in his soul".</i> (Metropolitan Anthony of Sourozh) греч. <i>«Αυτός που πρόκειται να αναχωρήσει από 'δύ, αν κοινωνήσει με καθαρή συνείδηση, όταν πεθαίνει, την ψυχή του την παραλαμβάνουν άγγελοι, και την περιστοιχίζουν, χάρη στη Θεία Κοινωνία»</i> (Άγιος Ιωάννης ο Χρυσόστομος, <i>περί ιεροσύνης, Λόγος ΣΤ, 4</i>).
Прагматический / мотивационный	Тактика контрастивного анализа с целью аргументации: рус. <i>"Где есть хотя слабые начатки дыхания молитвенного, там есть признаки жизни, а где нет дыхания, там нет жизни"</i> (Священномученик Серафим Чичагов) англ. <i>"Just as the thought of fire does not warm the body, so faith without love does not actualize the light of spiritual knowledge in the soul"</i> (St. Maximos the Confessor) греч. <i>"Οποιος κουράζεται για τον πλησίον του από καθαρή αγάπη, ξεκουράζεται με την κούραση! Αυτός που αγαπάει τον εαυτό του και τεπελιάζει, κουράζεται με το να κάθεται!"</i> (Ο Μοναχός Παΐσιος Αγιορείτης).

Выделение уровней в структуре языковой личности весьма условно. В реальной жизни наблюдается взаимопроникновение и взаимозависимость уровней.

Очевидно, что в понятии языковой личности фиксируется связь языка с индивидуальным сознанием личности, с мировоззрением. Ведь любая личность проявляет себя и свою субъектность не только через предметную деятельность, но и через общение, которое немисливо без языка и речи. Речь человека с неизбежностью отражает его внутренний мир, служит источником знания о его личности. Более того, несомненно, что человека нельзя изучить вне языка, поскольку, даже с обывательской точки зрения, трудно понять, что представляет из себя человек, пока мы не услышим, как и что он говорит. Но также невозможно "язык рассматривать в отрыве от человека", так как без личности, говорящей на языке, он остается не более чем системой знаков. Эта мысль подтверждается В. Воробьевым, который считает, что "о личности можно говорить только как о языковой личности, как о воплощенной в языке" [4, с. 115]. По мнению Ю.Н. Караулова, "языковая личность – вот та сквозная идея», которая «пронизывает все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека вне его языка" [8, с. 65].

Из всего вышесказанного можно сделать **вывод**, что полное описание языковой личности в религиозном дискурсе в целях ее анализа и синтеза предполагает:

1. Характеристику семантико-строеного уровня ее организации (либо исчерпывающее ее описание, либо описание, в котором делается акцент на индивидуальные отличия на фоне усредненного представления данного языкового строя);

2. Реконструкцию языковой модели мира или тезауруса данной личности.

3. Выявление жизненных доминант, установок, мотивов данной языковой личности, находящихся свое отражение, в частности, в процессах речепроизводства, а также в различных чужих текстах.

В результате нашего исследования, необходимо отметить, что языковая личность является видом полноценного представления личности, вмещающим в себя и психический, и социальный, и этический, религиозный и другие компоненты, но преломленные через ее язык, ее дискурс. Именно поэтому при изучении и описании языковой личности в религиозном дискурсе необходим, на наш взгляд, многоаспектный подход, так как предмет исследования отличается особой сложностью, многоплановостью и неоднозначностью интерпретации в современной лингвистике. Многоаспектный подход важен и потому, что предполагает интегрированное представление исследуемого материала и привлечение сведений из различных областей научного знания, таких как богословие, религиоведение, философия, история Церкви, культурология, психология, когнитология, социолингвистика.

ЛИТЕРАТУРА

(REFERENCES TRANSLATED AND TRANSLITERATED)

1. Арутюнян Н.Л. "Faith"/"Belief" как ключевой концепт религиозного дискурса. – М: РГГУ, 2005. – С. 83-84.
Arutyunyan N.L. "Faith"/"Belief" kak klyuchevoi concept religioznogo diskursa ["Faith"/"Belief" as a key concept of religious discourse]. – M: RGGU, 2005. – S. 83-84.
2. Бугаева И.В. К вопросу о методологических и теоретических основах изучения религиозной коммуникации // Церковь и проблемы современной коммуникации: Сб. ст. – Нижний Новгород: Нижегородская Духовная семинария, 2007. – С. 39-53.
Bugaeva I.V. K voprosu o metodologicheskikh i teoreticheskikh osnovah izucheniya religioznoy kommunikacii [About methodological and theoretical bases of religious communication studying] // Tserkov i problemi sovremennoy kommunikacii: Sb. st. – Nizniy Novgorod: Nizgorodskaya Duhovnaya Seminariya, 2007. – S. 39-53.
3. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа / Пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
Vaisgerber Y.L. Rodnoy yazik i formirivanie duha [Native tongue and spirit formation] / Per. s nem., vstup. st. i komment. O.A. Radchenko. Izd. 2, ispr. i dop. – M.: Editorial URSS, 2004. – 232 s.
4. Воробьев В.В. Языковая личность: Лингвокультурология. Лингводидактика. Лексикография. / Под ред. В.В.Воробьева, Л.Г.Саяховой. – Уфа, 2001. – 342 с.
Vorobyov V.V. Jazikovaya lichnost: Lingvokulturologia. Lingvodidaktika. Leksikographia. [Linguistic personality: Lingvoculture science. Language education. Lexicography] / Pod red. V.V. Vorobjova, L.G. Sayahovoy. – Ufa, 2001. – 342 s.
5. Гадомский А.К. Теолингвистика: история вопроса // Учен. зап. ТНУ. Т. 18 (57). № 1. Филология. – Симферополь: ТНУ, 2005. – С. 16-23.
Gadomskiy A.K. Teolingvistika: istoria voprosa [Theolinguistics: historical approach] // Uchen. Zap. TNU. T. 18 (57). № 1. Filologia. – Simferopol: TNU, 2005. – S. 16-23.
6. Гегель Г.В. Философия истории // Собр. соч. Т. VIII. Философское наследие. – М.: Мысль, 1977. – 544 с.
Hegel G.W. Filosofia istorii [Philosophy of history] // sobr. soch. T. VIII. Filosofskoe nasledie. – M.: Misl, 1977. – 544 s.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
Karasik V.I. Jazikovoy krug: lichnost, koncepti, diskurs: monografiya [Language circle: personality, concepts, discourse]. – Volgograd: Peremena, 2002. – 477 s.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: ЛКИ, УРСС Эдиториал, 2010. – 264 с.
Karaulov U.N. Russkiy jazik i jazikovaya lichnost [Russian language and linguistic personality]. – M.: LKI, Editorial URSS, 2010. – 264 s.
9. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 507 с.
Olyanich A.V. Presentazionnaya yeoria diskursa [Presentating theory of discourse]. – Volgograd: Paradigma, 2004. – 507 s.
10. Трубинский В.И. Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение: Межвуз. сб. науч. тр. – Псков: ПГУ, 1991. – С. 156-162.
Trubinskiy V.I. Sovremennie russkie regiolecti: primeti stanovleniya [Modern Russian regiolect: description of formation] // Pskovskie govori i ih okruzenie: Megvuz. sb. nauch. tr. – Pskov: PGU, 1991. – S. 156-162.
11. Wagner A. Theolinguistik? – Theolinguistik! // Internationale Tendenzen der Syntaktik und Pragmatik, Acten des 32. Linguistischen Kolloquiums in Kassel 1997. – Frankfurt a. M., 1999. – S. 56.

Shepitko S.V., Smirnova M.S. Linguistic personality in religious discourse

Abstract. The article deals with the main approaches of studying the phenomenon of linguistic personality in religious discourse. The authors analyze the peculiarities of religious discourse, consider the main approaches of studying the phenomenon of linguistic personality and its manifestations in religious discourse. According to the authors, the linguistic personality is a kind of full-scale presentation of personality, enclosing psychic, social, ethical, religious as well as other components, refracted through its language, its discourse. The authors state that the notion of the linguistic personality fixes the connection of the language with the person's individual consciousness and outlook. The analysis of the linguistic personality in religious discourse seems to be a relevant object of study, not only within the frames of linguistics, religious philosophy, theolinguistics, but also of a wide range of contemporary humanities related disciplines. The authors conclude that the study and description of the linguistic personality in religious discourse require a multifaceted approach to be used, as the subject of study is particularly complex, multifaceted and is of ambiguous interpretation in modern linguistics. The multifaceted approach is so important because the study involves an integrated view of the material and bringing information from various fields of scientific knowledge, such as theology, religious studies, philosophy, Church history, cultural studies, psychology, cognitive science, sociolinguistics.

Keywords: discourse, religious discourse, linguistic personality, levels of organization of the linguistic personality.